

УДК 811.511.1+811.161.1

С. А. Мызников (*Санкт-Петербург*)

ПЕРМСКАЯ ЛЕКСИКА В ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКОМ И СЕВЕРНОРУССКОМ КОНТЕКСТАХ*

В статье предпринимается попытка этимологического анализа пермской лексики, преимущественно коми языка, которая трактовалась ранее как прибалтийско-финская по происхождению. Особый акцент в работе делается на широкий охват

* Данная статья является продолжением разработки автором данной проблемы:

Финноугро-самодийские межъязыковые контакты и их отражение в лексической сфере на севернорусском фоне // Вопросы уралистики 2009: Научный альманах. – СПб.: Наука, 2009. – С. 120–130; О некоторых аспектах прибалтийско-финского и пермского языкового взаимодействия // Филологические исследования на рубеже XX–XXI веков: Традиции, новации, итоги, перспективы: сб. статей по итогам Всероссийской научной конференции (19–21 октября 2011 г., Сыктывкар). – Сыктывкар, 2012. – С. 125–129. – (Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН); Прибалтийско-финская и пермская контактные субстратные зоны проблемы выявления и разграничения // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 8–10 сентября 2012. В 2-х частях. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2012. – Ч. 1. – С. 203–205; О некоторых данных пермского и прибалтийско-финского происхождения на автохтонной территории и в русских говорах позднего образования // Язык – духовное наследие народа: Материалы Международной научно-практической конференции. 27–28 ноября 2012 г., Красноярск. – Красноярск, 2013. – С. 183–190; Полевые исследования для ЛАРНГ и некоторые проблемы пермско-русского взаимодействия на территории Удмуртии // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования. 2013. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 412–424.

материала, включая данные русских народных говоров. Отмечается, что простое выявление данных прибалтийско-финского происхождения в коми языковом континууме не всегда может свидетельствовать о прямых пермско-финских контактах. Крайне важен учет возможного иноязычного взаимодействия, даже если та или иная единица является автохтонной и исконной в каком-либо языковом континууме.

Ключевые слова: этимология, пермские языки, прибалтийско-финский, севернорусские говоры.

К настоящему времени накоплен достаточно большой опыт этимологического прочтения лексики пермских языков, в том числе и в финно-угорском контексте, например, в «Suomen kielen etymologinen sanakirja» представлено несколько сотен лексем, которые находят соответствие на прибалтийско-финской почве, так, например, в 1-м томе этого словаря отмечается 113 удмуртских соответствий и 143 коми; во 2-м – 121 удм., 113 коми; в 3-м – 61 коми, 47 удм.; в 4-м – 128 удм., 202 коми; в 5-м – 55 коми, 41 удм.; в 6-м – 58 коми, 42 удм.

Пермский языковой континуум в плане языковых контактов весьма неоднороден и в ряде случаев лексема, зафиксированная на территории Удмуртии в зоне контактов, может представлять собой результат более раннего пермско-русского языкового взаимодействия. Кроме того, следует иметь в виду, что носители коми языка вступали в ходе своей истории в контакты с иранскими, тюркскими, прибалтийско-финскими языками [Uotila 1936: 199–207; Лыткин 1956: 173–189], саамским языком [Туркин 1985: 54–67], а взаимодействие с русским (древнерусским) языковым континуумом насчитывает многие сотни лет. При этом возможен довольно широкий ареал слова в языках Поволжья и Приуралья. Например, слово фиксируется в русских говорах Поволжья и смежных языках: **лашма'н** 'человек, занимающийся доставкой леса' Моркин. (Нуж-Ключ), 'вор' Моркин. (Нуж-Ключ) Марий Эл. [ПЛГО]: **ла'шма'н** 'глупый, бестолковый человек' Наровч. Пенз. [Опыт], «государственный крестьянин при заготовке корабельных лесов низовых губерний; это большей частью татары, и они свободны от солдатства и других повинностей» [Даль], Казан., Пенз., Вят. [СРНГ 16: 299]. **Лашма'н** «государственный крестьянин Низовых губерний, заготавливающий дуб для постройки кораблей» [Слов. Акад. 1847], 'о физически сильном, здоровом человеке, богатыре' Казан., 1916 [СРНГ 16: 299], 'о длинноволосом, лохматым человеке' Нижегород., 1840 [СРНГ 16: 299]. При немецком происхождении слова, ср. нем. *Laschemann*, через русское посредство вошло в языки Среднего Поволжья, ср.: чуваш. *лашман* 'человек, который вместо солдатской службы отбывал повинность по заготовке леса; тяжелый неуклюжий человек', татар., мар. *лашман* 'неуклюжий, неповоротливый; государственный крестьянин при заготовке леса', удм. *лашман* 'человек богатырского телосложения' [Федотов 1: 332, 333], татар. *лашман*, *лашманчы* 'лесоруб' (см. также: [Ахметьянов 1989: 166–167; Добродомов 1998]).

Имеются довольно сложные случаи, когда сходная фонетически и семантически лексика распространена в славянских и финно-угорских языках: ср. русск. диал. *леме'шка* «жидкая мучная похлебка, каша; саламата» Костром., Росл., Смол. [Опыт], Зап. Брян. [СРНГ 16: 346], «Каша из муки и картофеля с растительным маслом и чесноком» Р. Кубань, 1949–1951 [СРНГ 16: 349], укр. *лемешка* ‘густая каша, густо приготовленное блюдо’, польск. диал. *lemieszka, lemieszka, lamieszka, lemiszka* ‘густая каша, клецки’, ‘каша из поджаренной гречневой муки’ [Kalima 1915: 152]. Хотя Я. Калима предположительно относит слово **лемешка** прибалтийско-финскому влиянию, сравнивая с фин. *liemi*, ливв. ген. *liemi*, эст. *lēm* ‘суп с мясом’, ‘бульон’ [Kalima 1915: 152], М. Фасмера гипотеза о прибалтийско-финском источнике слова не удовлетворяет по соображениям ареальной дистрибуции и формы, однако он не приводит удовлетворяющей его этимологической версии [Фасмер 2: 481]. На наш взгляд, только источник венгерского типа, лежащий в основе русского слова, может иметь такую широкую ареальную дистрибуцию, ср. венг. *leves* ‘бульон, суп, варево’, при венг. *lé* ‘сок, бульон’, морд. эрз. *lem*, мокш. *lem'* ‘суп’, ‘жир’, удм. *līm, lēm* ‘уха, сладкий бульон’, манс. *lām, loqm* ‘суп’ (SKES: 290), мокш. *лям* ‘щи’ (МКРСС, 351), коми *лем* ‘студенистый, застывший навар (напр., рыбный, мясной)’ (КЭСК, 159).

При этимологическом анализе любого языкового материала нередко основными становятся следующие аспекты общего плана:

- а) выявление разновременных лексических пластов;
- б) дифференциации исконных и заимствованных единиц;
- в) учет возможностей гетерогенных схождений;

г) кроме того, на наш взгляд, например, результаты контактов прибалтийских финнов с пермским языковым континуумом вряд ли можно исследовать без учета целостной этноязыковой картины зоны взаимодействия.

Для исконных данных будут первоочередными следующие параметры анализа: а) включение слова в корневое гнездо; б) нахождение мотивации; в) словобразование; г) включение найденного гнезда в контекст родственных языков.

Данные археологии и топонимики, свидетельствующие о сложных процессах этно- и лингвогенеза финно-угров на северных территориях, позволяют предполагать более древние и существенные результаты языкового взаимодействия, нежели простые заимствования, поддающиеся этимологизации средствами современных языков» [Федюнева 2008: 172]. Однако простое выявление данных прибалтийско-финского происхождения в коми языковом континууме не всегда может свидетельствовать о прямых пермско-финских контактах.

В некоторых случаях эти единицы можно рассматривать как пример русского посредства. Ср., например, коми ижем. *сѳнеч* ‘руль, кормило (у лодки)’ [ССКЗД: 345], при эст. *saps*, род. п. *sapsu* ‘то же’, ливск. *sapps* ‘то же’, фин. *sapsa, sapsa* ‘нос судна’ [Kalima 1915: 219], не является прямым

заимствованием из прибалтийско-финских источников, а вошло через русское посредство, причем слово вошло в русский язык еще в XVI веке, с несколькими фиксациями в XVII в.: *coneц* 'руль на небольшом судне, кормило' – XVI в., 1620 г., 1621 г., 1645 г. [СлРЯ. XI–XVII вв. 26: 156]. Ср. также русские диалектные данные: *Сопе'ц* 'навесной руль на корме лодки' [Бурнашев] (в простонародии). Слов. Акад. 1847. [стар.]. Пск., 1902–1914. Эст. ССР, Волог., Печор., Арх., Енис., Краснояр., Сиб. 'Рукоятка руля (у лодки, судна)' Пск. Пск., 1850. 'Подводная часть руля (у лодки, судна)' Пск. Пск., 1850 [СРНГ 39: 331, 332]. *Сопе'ц* 'руль на судне' Мезен. [Подвысоцкий 1885: 161], Сиб. [Даль]. *Сопе'ц* 'руль лодки, плота' Печор. [СРНГП 2: 293]. Причем и саамская единица рассматривается как заимствование, опосредованное русским воздействием: саам. кильд. *suoptс* 'кормовое весло' – из русского [Itkonen 1932: 64].

Аналогично коми удор. *люська* 'ложка', ранее рассматриваемое как вепское заимствование [КЭСК: 415], имеет значительные сходные русские диалектные данные: *Лу'зка* 'ложка' Пошех.-Волод. Яросл., 1929 [СРНГ 17: 185]. *Лу'зик* 'ложка' Волх. *Лузиком у нас суп хлебают.* Тихв. [СРГК 3: 156]. *Ло'зик* 'ложка': – *Лозиками вепсы ели.* Лодейноп. [СРГК 3: 156]. *Лу'зик* 'ложка' Тихв. Новг., 1852. Новг., Волог., Яросл., Моск., Калуж. [с примеч. «В условном языке портных»]. Самар. [КСРНГ] [с примеч. «у переселенцев из Пермской губ.», 1905–1921. 'Большая ложка' Ростов. Яросл., 1902. [СРНГ 17: 185]. «Большая ложка с толстым черенком; поварешка» Брейтов., Рыб., Ростов. [ЯОС]. *Лузи'к* 'ложка' Кашин. Твер. [с примеч. «язык мелочных торговцев»] [КСРНГ]. Причем, на прибалтийско-финской почве является обратным русским заимствованием, ср. вепс. *luzik*, кар. *lužikka*, ливв. *luzikki*, люд. *lužik*, эст. *lusik* 'ложка' из др.-русс. *лъжьска* [SKES: 314].

Коми удор. *си'йма* 'леса, леска' под вопросом возводилось к прибалтийско-финским источникам, финн. *siima* 'леса, леска' [КЭСК: 255]. Ср., однако, русские диалектные данные: *си'ма* 'тонкая веревочка, тетива в рыболовной снасти' Сольвыч. (Качем) Волог., 1912. «Тонкая веревочка, леска, с помощью которой горло мережи привязывается к обручу» Беломор. (Шижня) [КСРНГ]. «Шнур донного перемета» Заонежье [Логоинов 1993: 47]. 'Центральная леска, веревка перемета' Вытегор. [КСРГК]. «Тонкая веревка, употребляемая в рыболовных снарядах» Р. Кама [Бурнашев]. 'Рыболовная снасть' Вытегор. [КСРГК], Олон. [Опыт...]. «Длинная бечевка, веревка, привязываемая к колоколу» Повен. [Куликовский]. А. Л. Погодин и И. Калима рассматривают русские данные как заимствование из кар. *šiima*, ливв. *siima*, при фин. *siima* 'бечевка, силок' [Погодин 1904: 59; Kalima 1915: 218]. Прибалтийско-финские данные восходят к скандинавским материалам, ср. др.-сканд. *sími* 'веревка' [Фасмер 3: 622]. Авторы «*Suomen sanojen alkuperä*» также исходят из прибалтийско-финской природы русских лексем [SSAP 3: 176]. Таким образом, более вероятно не прямое заимствование прибалтийско-финских данных, а через русское посредство.

В коми языке отмечается лексика, соответствия для которой бытуют преимущественно на прибалтийско-финской почве, например: коми *agac* ‘борона’, при люд. *ägez*, вепс. *ägez*, водск. *äez*’, эст. *äke*, при их балтийской основе, литов. *ekečios* ‘борона’, др.-прусск. *aketes* ‘борона’ [SKES: 1867].

Коми *акка* ‘диал. крестная мать’ [КРК: 22], при кар. *akka* ‘старая женщина, жена’, вепс. *ak* ‘жена, женщина’ [КЭСК: 31–32].

Еще один пример такого рода соответствий: коми ниж.-вычегод., удор. *сабри* ‘стог сена’ [Лыткин 1956: 186] имеет следующие сходные данные: кар. *heinäsuapra*, *hein’äšaabra*, *hein’äšoabra*, *heinäšsuabra* ‘стог сена’ [ССКГК: 88], фин. *saura* ‘кладка сена с двумя или более стожарами’, люд. *suabr*, *soabr*, ‘стог сена, стожар’ [SKES: 983], вепс. *sabr* ‘зарод, стог’ [СВЯ: 492]. Но даже для этих коми данных в SKES отмечается, что «возможно через русское посредство, хотя в русских говорах это слово неизвестно, прибалтийско-финское слово распространилось до диалектов коми языка: *sabri* ‘стог сена’, а оттуда далее до мансийского языка: манс. *säpri* ‘то же’» [SKES: 983].

Коми удор. *бель* ‘косяк’ [ССКЗД: 173], *bel’* ‘дверной или оконный косяк’ [SYRW: 1], является неисконным, представляя собой древнее вепское заимствование [КЭСК: 38], ср. вепс. совр. *peí* ‘притолока, косяк (дверной, оконный)’ [СВЯ: 407]. Причем в литературном коми языке функционирует в этом же значении лексема русского происхождения: коми *курич* ‘косяк’, *ödzös курич* ‘дверной косяк’, ср. русск. *курчина* ‘воронец’ [КЭСК: 147] (см. также: МСФУСЗ 1: 34). У. Wichmann, сопоставляя фин. *pieli* с саам. норв. *bællij*, морд. мокш. *päl* ‘клещи’ и с данными удорского диалекта коми языка, рассматривает эту единицу как технический термин [Wichmann 1903: 99]. Обширные русские диалектные данные следует рассматривать как результаты уже коми воздействия: *бель* ‘оконный, дверной косяк’: – *В чёрных избах белей не вставляють, окошки прямо к стенам прибивають.* Пинеж. (Нюхча, Веркола, Сульца, Кеврола) [Сими́на]. Арх. Арх., 1920 [СРНГ 2: 236]. *Бель* ‘одна из боковых подушек оконного или дверного проема, косяк’ Лешук., Пинеж. Мез. [АОС 1: 15]. *Бе’лье* ‘то же’ Мезен. [АОС 1: 15]. *Бель* ‘косяк, боковина оконного или дверного проема’ Лешукон. (Кеслома, Палуга), Пинеж. [СГРС].

Довольно много единиц, сходных с прибалтийско-финскими данными, отмечаются в удорском диалекте коми языка. Например: коми удор. *марья тусь* ‘поленика’, при кар. *marja* ‘ягода’ [КЭСК: 170].

Коми лет. *касмар* ‘костяника’ (дословно ‘кошачья ягода’). В вепском языке имеется семантически сходное наименование, но для другой ягоды, вепс. *kažibol* ‘волчья ягода’ (дословно ‘кошачья ягода’) [СВЯ: 186], при коми литературном. *вотдс* ‘ягоды’, с другой мотивацией – *вотны* ‘собирать, собрать, набрать; врать’ [КРК: 112].

Коми удор. *кас’* ‘кошка’, при вепс. *kaži* ‘кошка’ [СВЯ: 186].

Коми удор. *вöй* ‘шнур, нить’, при вепс. *vö* ‘пояс, кушак, ремень’ [СВЯ: 648], хотя в данном случае имеется возможность рассматривать коми единицу как фонетический вариант к коми *вöнь* ‘пояс, поясок’ [КРК: 117].

Коми удор *вирб* ‘дратва’, при вепс. *birb, virb* ‘то же’ [КЭСК: 57].

Коми удор. *карандыс* ‘ушат’, при вепс. *kerandez* ‘ушат’ [СВЯ: 194; КЭСК: 117].

Коми удор *катша* ‘сорока’, при вепс. *kačatada* ‘стрекотать (о сороке)’ [СВЯ: 164]. Хотя, ср. удм. *кочо* ‘сорока’, которое рассматривается в общепермском контексте [КЭСК: 118].

Коми удор. *гымай* ‘гром, гроза’, рассматривается как звукоподражательное слово [КЭСК: 84], ср. однако вепс. *g'utai, g'itoui* ‘бог; гром, гроза’ [ПЛГО], причем имеется регулярное соответствие коми *ы* прибалтийско-финскому *и*.

Коми удор. *дэжийан* ‘синица’, при кар. *t'ijan'i, t'ian'e, t'ijän'e* ‘синица’ [ССКГК: 621].

Когда лексическая единица коми языка фиксируется в каком-либо одном диалекте, не всегда продуктивно рассматривать ее только на финно-угорском фоне. Крайне важен учет возможного иноязычного взаимодействия, даже если та или иная единица является автохтонной и исконной в каком-либо языковом континууме. В ряде случаев можно предложить некоторые новые примеры этимологического прочтения коми лексики. Хотя такого рода данные еще требуют углубленного изучения при более расширенном репертуаре рассматриваемых единиц. Например, коми *нарт* ‘безжалостный, доводящий до изнурения’, ‘упрямый, своенравный, непослушный’ и производные: *нартитны* ‘изнурять тяжелой работой’, *нартитöм* ‘угнетение’, сопоставляется с финн. *närkääs* ‘нетерпеливый, вспыльчивый’ [КЭСК: 186]. Однако имеются сходные русские диалектные данные, ср.: *Нарт* ‘о дерзком, упрямом, нахальном человеке’ Смол. *На'ртиться* ‘упрямиться’ Смол. *На'ртом* ‘нахально’ Смол. [СРНГ 20: 134], *на'ртный* ‘упрямый’ Вязьм. Смол. [ПЛГО]. Эти материалы связаны с белорусским *нарт* ‘человек, который хочет все делать по-своему’ [ЭСБМ 7: 245]. Причем восточнославянские данные рассматриваются как результат балтийского воздействия: литов. *partis* ‘норовистый’ [Лаучюте 1982: 56]. Вряд ли в данном случае можно вести речь о случайном совпадении формы и семантики. Однако каким образом слово из западной диалектной зоны мигрировало в восточном направлении, не вполне ясно.

В ряде случаев пермская лексема представляет собой результат длительного славянско-пермского взаимодействия.

Например, коми-зыр. *ляпа* ‘подлещик’ [ССКЗД: 213], которое авторами КЭСК сопоставляется с удм. *ляпа* ‘сом’, далее общеперм. **l'ara* ‘вид какой-то рыбы’ [КЭСК: 166], ср. также *ляпа* ‘лещ-молодь (не включая мальков)’, ‘подлещик’ [КРК: 375], сопоставляется с другими финно-угорскими единицами. И. Шебештьен сравнивает с мар. *ловал, лавал* ‘лещ’, эст. *labakas*,

саам. норв. *laeppadak* [Sebestyen 1935: 54]. Причем имеется вепс. *lipak* ‘подлещик’ [СВЯ: 292], которое фонетически и семантически весьма близко к коми данным. Однако имеются сходные данные на русской почве, которые не рассматривались ранее в финно-угорском контексте. О. В. Востриков, отмечая варианты русск. диал. *ляпо'к*, *лепа'к* в Белозерье, утверждает, что в Костромской области эти слова знают только галичские рыбаки (по нашим более поздним данным – гораздо шире) и связывает их с коми-зырянским влиянием [Востриков 1981: 30]. Кроме того, отмечаются обширные русские диалектные данные: *ля'па* ‘мелкая рыба, обитающая в небольших водоемах’ Ильин., Карагайск. Перм. [Кривошекова-Гантман 1981: 52]. *Ляпо'к* ‘мелкий лещ, подлещик’ Белоз., Вашк., Кирилл. [СРГК 3: 181]. *Ляпо'к* ‘рыба *Abramis brama* L., лещ’ Белозер. Волог., 1970 [СРНГ 17: 280]. ‘Рыба *Blicca bjoerkna*; густера’ Белозер. Новг., 1970 [СРНГ, 17: 280]. *Ляпа'шка* ‘мелкая рыба, сходная с лещом, подлещик’ Пудож. [СРГК, 3: 180]. *Лепак* ‘небольшой лещ’ Галич. Костром. Коми данные, рассматриваемые в данном контексте, явно связаны с русскими диалектными материалами. Этимология этого гнезда на финно-угорской почве требует уточнения и дальнейшего исследования, но вполне вероятно, что данный материал также связан с русскими источниками: *кляпу'шка* ‘мелкий лещ’ Волх. (Вороново) [ПЛГО]; *кляпу'ха* ‘рыба лещ’ Р. Волхов, ‘Мелкий лещ (до 800 граммов)’ Волхов и Ильмень; *кляпу'хи* ‘лещи’ Новг. [СРНГ, 13: 333]; *кляпу'шина* ‘мелкая рыбешка, мелкий лещ’ Волхов и Ильмень [СРНГ, 13: 333]; *клепу'шко* ‘мелкий лещ’ Волх. (Вороново) [ПЛГО]. Ср. также др.-русск. *кляпец* ‘рыба семейства лещей’ Кн. прих.-расх. Тихв. м., 1592 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 7: 190]; *кляпуха* ‘рыба семейства лещей’ Там. кн. Тихв. м., 1626 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 7: 190]; *кляпушка* ‘то же’ Там. кн. Тихв. м., 1635 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 7: 190]. Ср. также др.-русск. *клевц* ‘рыба’ 1672 г. [СлРЯ XI–XVII вв. 7: 169], при русск. *лещ* ‘рыба’.

Имеются случаи распространения лексических данных как в коми, так и ещё в ряде языков, что весьма затрудняет выявление конечного источника слова. Например, коми *кельчи* ‘плотва, сорога’ [ССКЗД: 152] А. С. Герд сопоставляет с обширными данными, ср.: коми *кельты* ‘сибирская плотва’, *кельчи* ‘то же’, хант. *кельчи* ‘сибирская плотва’. По его мнению, сюда же относится русск. белозер. *кели*, *кельш*, *кельши* ‘берш *Lucioperca volgensis*’, что исторически отражает название рыбы, широко распространенное в североевропейских дославянских диалектах [Герд 1970: 113]. Авторы КЭСК полагают, что хантыйские данные имеют коми происхождение, ср. хант. *kōlən'z'ī* ‘вид рыбы’; причем непонятно место мар. *кыльчак* ‘чехонь’, татар. тобол. *kälčäk* ‘то же’ [КЭСК: 121]. На наш взгляд, сюда относится наименование сига – *киле'ц* (на Онежском озере) со вздернутой передней частью головы, что дает возможность сопоставления с вепс. *kil'čnena* ‘курносый’ [СВЯ: 263].

В ряде случаев коми данные подвергаются контаминационному воздействию как прибалтийско-финских, так и русских диалектных источников.

Ср. также коми, коми-перм. *бака* 'трутовый гриб', коми среднесысол. *бакула*, верхневыхгод. *бака* 'трутовик, березовая губка' [ССКЗД: 272], при наличии коми *пакула* 'то же' можно сопоставить с прибалтийско-финскими источниками, ср. кар., фин. *pakku*, при саам. норв. *bak'ke* 'бугор, нарост, вырост' [KOLTKS]. Хотя, ср. коми *бакатиак* в этом же значении [ССКЗД: 16]. Авторы SKES справедливо полагают, что коми *пакула* – результат посредства русского языка. Тогда как в КЭСК предполагается, что «коми пакула, встречающееся только в северо-западных диалектах, могло попасть в коми язык непосредственно из карельского языка еще тогда, когда карелы были соседями народа коми» [КЭСК: 38].

В настоящее время выход в свет различных словарей по финно-угорским, славянским, тюркским языкам позволяет проводить детальный этимологический анализ уже известного репертуара лексики. Таким образом, коми данные в ряде случаев могут наполняться сопоставлениями на финно-угорской, славянской и т. п. основах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецевой. – М., 1980–2012. – Вып. 1–14.

Ахметьянов Р. Г. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. – М., 1989. – 200 с.

Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. – СПб., 1843–1844. – Т. 1–2.

Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья // Этимологические исследования. – Свердловск, 1981. – С. 3–45.

Герд А. С. Из истории печорских названий рыб // Севернорусские говоры. – Л., 1970. – Вып. 1. – С. 108–117.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. – 2-е изд., испр. и значительно умноженное по рукописи автора. – М.; СПб., 1880–1882. – Т. 1–4.

Добродомов И. Г. Средневожжское слово лашман // Язык: изменчивость и постоянство. К 70-летию Леонида Леонидовича Касаткина. – М., 1998. – С. 42–56.

Кривоцекова-Гантман А. С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. – Свердловск, 1981. – С. 46–62.

КРК – Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И. Коми-роч кывчу-кёр. – Сыктывкар, 2000. – 814 с.

КСРГК – Картоoteca «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей».

КСРНГ – Картоoteca «Словаря русских народных говоров».

Куликовский Г. И. Словарь областного олонейского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1898.

КЭСК – Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. – Сыктывкар, 1999. – 432 с.

- Лаучоте Ю. А.* Словарь балтизмов в русском языке. – Л., 1982. – 211 с.
- Логинов К. М.* Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. – СПб.: Наука, 1993. – 150 с.
- Лыткин В. И.* Вепско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Академику В. В. Виноградову к его шестидесятилетию: сб. статей. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 173–189.
- МКРСС – Мокшанско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Фектистова, О. Е. Полякова. – М., 1998. – 920 с.
- МСФУСЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург, 2004. – Вып. 1 (А–И). – 142 с.
- Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отд. Академии наук. – СПб., 1852. – 275 с.
- ПЛГО – Полевое лингвогеографическое обследование автора.
- Погодин А. Л.* Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские известия. – 1904. – № 4. – С. 1–72.
- Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. – СПб., 1885.
- СВЯ – Словарь вепского языка / Сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. – Л., 1972.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001–2011. Т. 1–5.
- Симиная – Словарная картотека пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ (ныне картотека СРНГ, хранящаяся в ИЛИ РАН).
- Слов. Акад. 1847 – Словарь церковнославянского и русского языка / сост. Вторым отд. Академии наук. – СПб., 1847. – Т. I–IV.
- СлРЯ. XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М., 1975–2011. – Вып. 1–29.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. – СПб., 1994–2005. – Т. 1–6.
- СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры / Под ред. Л. А. Ивашко. – СПб., 2003–2005. – Т. 1–2.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. – М., Л.-СПб., 1965–2014. – Тт. 1–47.
- ССКГК – Словарь собственно-карельских говоров Карелии / Сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко. – Петрозаводск, 2009. – 350 с.
- ССКЗД – Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. – Сыктывкар, 1961. – 489 с.
- Туркин А. И.* Прибалтийско-финский и саамский компоненты в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Труды института языка, литературы и истории. Сыктывкар, 1985. – С. 54–67.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. – М., 1964–1973. – Тт. 1–4.
- Федотов 1 – *Федотов М. Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х тт. Т. 1. А–Р. – Чебоксары, 1996. – 470 с.
- Федюнева Г. В.* О прибалтийско-финском компоненте в коми языке // Известия Уральского государственного университета. – 2008. – № 55. – С. 172–180.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мінск, 1978–2010. – Т. 1–13.

ЯОС – Ярославский областной словарь. – Ярославль, 1981–1991. – Вып. 1–10.
Itkonen T. I. Lappische Lehnwörter im Russischen // STT. B. XXVII. – Helsinki, 1932. – S. 45–65.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. – Helsingfors, 1915.

KOLTKS – *Itkonen T. I.* Koltan ja kuolanlapin sanakirja // LSFU, XV. – Helsinki, 1958. – O. 1–2.

Sebestyén I. Az uráli nyelvek régi halnevei // NyK XLIX. – Budapest, 1935. – O. 1–97.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. – Helsinki, 1955–1981. – O. 1–7.

SSAP – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. – Helsinki, 1992–2000. – O. 1–3.

SYRW – Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet und herausgegeben von T. E. Uotila. – Helsinki, 1942. – 504 S. – (LSFU VII).

Uotila T. E. Huomautuksia syrjäänin itämerensuomalaisista lainasanoista // Viritäjä. – 1936. – S. 19–207.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen. – Helsingfors, 1903. – (MSFOu XXI).

S. A. Myznikov

Permian lexicon in the Baltic-Finnish and northern Russian contexts

The paper attempts to etymological analysis of the Permian vocabulary, mostly Komi language, which was interpreted earlier as the Baltic and Finnish origin. Particular emphasis is placed on work in a wide coverage of the material, including the data of Russian folk dialects. It is noted that the mere identification data of the Baltic and Finnish origin in the Komi language continuum, may not always indicate a direct Permian-Finnish contacts. The accounting of possible foreign-language interaction even if this or that unit is autochthonic and primordial in any language continuum is extremely important.

Keywords: etymology, Perm languages, Baltic-Finnish, North Russian dialects.